

— Что тут такого, подумаешь, не то чтобы не видела, — Линь Дунцин причмокнула губами. — Впрочем, вкус и впрямь отменный. Жаль только, ты не сестрица Чжицю: будь на твоём месте она, я бы и умереть сочла за счастье.

Бай Цзиньжун, только что натянувшая додуо, услышала это и зыркнула на неё полным гнева взглядом:

— Ты же обещала: раз завладела мной, больше не думать о ней!

Линь Дунцин похлопала её по щеке:

— Ты всего лишь служанка, как ты можешь с ней сравниться? Она — самый нежный и драгоценный человек в моём сердце.

Бай Цзиньжун готова была задушить её, причём задушить насмерть.

— Живей, чего застыла? Принеси-ка мне горячей воды, да не копайся! Смотри у меня, вздумает мешкать — в другой раз возьму и продам, — обругала её Линь Дунцин. — Маленькая дурёха, бестолочь круглая.

Бай Цзиньжун едва зубы не стёрла от злости. Сгорая от гнева, она натянула одежду и выскочила вон.

Её тело силой отобрали, а она теперь должна терпеть ломоту в мышцах, услужливо подавать воду для умывания, укладывать обидчицу спать — и только после этого, смертельно уставшая, возвращаться в свою каморку. Селá на постели, глядя на заливающий пол лунный свет, и долго-долго просидела в полном оцепенении.

На следующий день Линь Дунцин нарочно принарядилась: бирюзово-зелёный парчовый халат, пояс, инкрустированный белым нефритом, поверх — белоснежная накидка из лисьего меха, длинные волосы собраны в хвост и скреплены нефритовой заколкой, которая забавно покачивалась у неё на затылке. В таком виде она отправилась к Е Чжицю.

— Сегодня день рождения сестрицы Чжицю, подарки все собраны? Идём со мной, — позвала Линь Дунцин. Обернувшись, она увидела, что Бай Цзиньжун тащит целую стопку подарочных коробок и покачивается под их тяжестью, и поморщилась: — Мелкая дурёха, осторожнее! Уронишь — не рассчитаешься.

— У меня всё равно ни гроша за душой, разве что эта жизнь, да и та продана вашему поместью. Разобью — и ладно, невелика беда, — лениво отозвалась Бай Цзиньжун.

Линь Дунцин приподняла брови:

— Ишь ты! А малая-то не такая уж глупая.

Бай Цзиньжун осквернилась в ответ широкой ухмылкой, развернулась и зашагала вперед, демонстративно показывая ей спину.

— Совсем от рук отбилась, — Линь Дунцин легонько стукнула её веером по макушке. — Пару раз отхожу — живо смирной станешь.

Бай Цзиньжун шла прямо перед ней, наотрез отказываясь обращать хоть какое-то внимание.

Е Чжицю не было в комнате. Расспросив старую кормилицу, Линь Дунцин узнала, что ещё до рассвета та уехала из поместья в карете вместе с Линь Цзяньхэном.

— Подарки Второй госпожи здесь, — Бай Цзиньжун опустила стопку коробок на стол, помахала на лицо платком и покосилась на потемневшую от злости Линь Дунцин. — Если мы больше не нужны...

— Жди здесь, — бросила Линь Дунцин холодным взглядом, ударив кулаком по столу так, что все присутствующие в комнате разом вздрогнули и не смели шевельнуться.

Старая кормилица велела слугам подать госте чаю. Заметив, что приближается время обеда, а Вторая госпожа явно не собирается уходить, она распорядилась накрыть на стол.

Линь Дунцин едва притронулась к еде и тут же отложила палочки, заставив изнывающую от голода Бай Цзиньжун украдкой сглотнуть слюну.

Кормилица увидела, что девчонка стоит в стороне с остекленевшим взглядом и глазами на мокром месте, сжалась и потянула её за собой на кухню — поискать чего-нибудь перекусить.

Лицо Бай Цзиньжун озарилось радостью, но стоило ей сделать шаг, как из столовой донёсся суровый окрик Линь Дунцин:

— Разве я разрешала тебе уходить? Стоять у входа!

Похоже, вся её злость сегодня вымещалась исключительно на ней. Бай Цзиньжун от досады едва не измяла в кулаке носовой платок, а её живот издавал громкое урчание.

Ожидание затянулось: солнце поднялось в зенит, потом покатилося к закату, совсем стемнело, и лишь тогда Линь Цзяньхэн и Е Чжицю наконец вернулись.

Старая кормилица облегчённо выдохнула, поспешно шагнула им навстречу и затараторила:

— Глава поместья и госпожа вернулись! Вы уже ужинали? Как раз кстати, Вторая госпожа...

— Мы поели по дороге, — перебила Е Чжицю. — Уберите всё.

Но Линь Цзяньхэн любопытствовал:

— А что случилось со Второй госпожой?

Кормилица ответила:

— Вторая госпожа ещё с утра пришла с поздравлениями, с самого рассвета ждёт в комнате.

— Вот видишь, я же говорил, надо было предупредить сестрёнку, а ты не позволила, — заворчал Линь Цзяньхэн. Е Чжицю бросила на него укоризненный взгляд, и он с улыбкой взял её за руку. — Ладно-ладно, пойдём внутрь.

Кормилица с тревогой на лице спросила Е Чжицю:

— Удалось ли отыскать того прославленного лекаря?

Е Чжицю смущённо кивнула:

— Пришлось потратить немало сил, но в конце концов мы его нашли. Он даже проверил пульс и выписал целебные отвары.

Линь Дунцин как раз поднялась, собираясь выйти им навстречу, как вдруг услышала, как кормилица захлопала в ладоши и радостно воскликнула:

— Как чудесно! Надо полагать, скоро у госпожи появятся хорошие новости.

— Нянюшка, об этом ещё рано говорить, — слегка покраснев, тихо произнесла Е Чжицю. — Потихе.

Хотя они говорили вполголоса за закрытой дверью, какой слух был у Линь Дунцин? Она расслышала каждое слово. В её груди вспыхнула ярость: чашка в её руке с грохотом разбилась о пол, и она вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

— Цин'эр, ты чего опять бушуешь? — донёсся сзади голос Линь Цзяньхэна.

— Устала, я ухожу, — бросила Линь Дунцин, не оборачиваясь.

Линь Цзяньхэн покачал головой и повернулся к Е Чжицю:

— У Цин'эр упрямый нрав. Она ведь от чистого сердца хотела поздравить тебя с днем рождения, прождала целый день, должно быть, обиделась, что мы не взяли её с собой. А я ведь говорил, что надо было её взять.

Е Чжицю бросила взгляд на удаляющуюся фигуру Линь Дунцин и мягко сказала:

— Мы же не на прогулку тайком выбирались, мы ехали за медицинской помощью, дело серьёзное. К тому же визит к врачу — личное дело супругов, ей, незамужней девушке, ехать с нами было ни к чему.

— Жена абсолютно права, — с улыбкой откликнулся Линь Цзяньхэн, сжимая её ладонь. — Ты устала? Я прикажу слугам приготовить горячую воду для умывания.

Е Чжицю с улыбкой согласилась.

Вернувшись из покоев Е Чжицю, ослепшая от голода Бай Цзиньжун камнем рухнула на кухню в поисков съестного.

— Эта Цуэр... на кухне всё вычищено до блеска, ни крошки не осталось! — в полном отчаянии простонала Бай Цзиньжун. Приподняв крышку котла, она обнаружила там одинокий паровой пампушка-манто и тут же радостно вцепилась в него зубами, принявшись запихивать еду в рот.

Не успел первый кусок упасть в желудок, как её носа коснулся резкий запах крепкого алкоголя. С пампушкой в руке, втянув голову в плечи, она попыталась проскользнуть к выходу.

Но её воротник тут же ухватила чья-то рука. Линь Дунцин, покачиваясь и сжимая в руке кувшин с вином, стояла прямо за её спиной:

— Куда это ты собралась, маленькая дурёха?

— Есть хочу, — изобразив глуповатую простоту, Бай Цзиньжун прожевала пару кусков и уже собиралась проглотить, как Линь Дунцин ухватила её за подбородок, запрещая глотать.

В глазах у неё качнулось: Линь Дунцин взвалила её себе на плечо. Бай Цзиньжун охнула, и недожеванный пампушка шлёпнулся на пол. Сердце девушки обливалось кровью.

Мертво мертвой вцепившись в оставшуюся половину пампушки, Бай Цзиньжун не пищала и не кричала — ровно до тех пор, пока Линь Дунцин не швырнула её на кровать.

Бай Цзиньжун съежилась в самом углу и попыталась запихнуть заветный кусок в рот, но Линь Дунцин перехватила её запястье, отбросила пампушку в сторону и яростно разодрала её одежды. Ярко-красные тесёмки завязались на её белоснежных плечах.

— Пампушка... мой пампушка... — Бай Цзиньжун, в глазах которой темнело от голода, смотрела только на похищенную еду.

Линь Дунцин навалилась на неё и откусила кусок прямо от оставшегося в руке. От боли Бай Цзиньжун пришла в себя: она замахала руками, колотя обидчицу, и отчаянно засучила ногами:

— Пусти меня!

Линь Дунцин привязала её ноги к изножью кровати, ремнем связала руки и, сдирая с неё остатки одежды, осыпала её тело жаркими, неистовыми и жадными поцелуями.

— Издеваешься... А я есть хочу... — Бай Цзиньжун не могла вырваться, её охватило горькое отчаяние, и слёзы градом полились из глаз, напоминая оборванные бусины.

— Какая же ты хлопотная, — раздраженно бросила Линь Дунцин, зачерпнув стоявшую на столике тарелку с пирожными, и освободила ей руки. — Ешь давай.

Бай Цзиньжун приподнялась и принялась запихивать сладости в рот. Линь Дунцин тем временем продолжала своё дело, слизывая сочные крошки, которые градом сыпались на постель и падали девушке прямо на лицо.

— Ик! — Бай Цзиньжун подавилась, её щеки надулись, и она молча ткнула пальцем в чайник, требуя воды.

Линь Дунцин была готова придушить эту дурёху собственными руками. Злясь на неё, она всё же подала чайник, и Бай Цзиньжун жадно, в несколько глотков, осушила его, после чего громко икнула и наконец перевела дыхание:

— Чуть не удавилась...

— Я точно... точно с ума сошла! Какая муха меня укусила? — Линь Дунцин в бешенстве стучала себя по голове, мечась по комнате, как угорелая, снедаемая злостью и досадой.

Бай Цзиньжун тем временем неторопливо развязывала шёлковые ленты на собственных ногах, пользуясь моментом, чтобы смынуть, но Линь Дунцин вновь безжалостно вдавила её в матрас:

— Ладно уж, раз дура — так дура. Зато тело прекрасное.

— Ты... да ты... — «Больна на всю голову!» — выругалась про себя Бай Цзиньжун, но ругательства так и остались произнесёнными. Линь Дунцин в этой жизни отличалась злопамятностью: скажи она хоть слово — и расплачиваться придётся ей самой.

Бай Цзиньжун махнула на всё рукой и легла на кушетку, позволяя Линь Дунцин бесчинствовать над её телом, а сама машинально ухватила с подноса миндальное печенье, запихнула в рот и принялась хрустеть им с громким хрустом.

Линь Дунцин припала к её уху, целуя его, с нежностью покусывая миниатюрную мочку. Кончик её языка скользнул по ушной раковине внутрь, обдавая кожу горячим дыханием.

Жевать печенье становилось всё труднее.

В глазах Линь Дунцин плескался хмельной туман, и она раз за разом повторяла:

— Чжицю... сестрица Чжицю...

Сначала Бай Цзиньжун ещё пыталась пережёвывать во рту сухую сладость, но вскоре у неё не осталось и шанса на глоток — ей оставалось лишь открывать рот в беззвучном стоне.

Буйство утихло лишь за полночь. На теле Бай Цзиньжун не осталось ни единого живого места: Линь Дунцин, не ведая усталости, брала её снова и снова, пока та окончательно не потеряла сознание.

Возиться со служанкой Линь Дунцин была не намерена, да и постель оказалась вся мокрой, поэтому она просто оставила девчонку лежать там же, а сама перебралась на соседнюю кушетку.

Проснувшись на следующее утро, Бай Цзиньжун чувствовала себя так, будто по ней проехала тяжёлая теленагрузка: конечности не слушались, тело ломило от дикой боли, а на сердце скребли кошки.

Когда она, еле волоча ноги, сползла с ложа, в комнату вошла посвежевшая, сменившая наряд Линь Дунцин и брезгливо бросила на неё взгляд:

— Иди умойся, вся грязная. А потом возвращайся менять постельное бельё.

Она криво усмехнулась:

— Впрочем, если тебе не стыдно, можешь позвать Цуэр, мне всё равно.

Бай Цзиньжун подтянула воротник — малейшее движение отзывалось жгучей болью. Каждое касание стоп о пол приносило страдания. Проходя мимо Линь Дунцин, она в порыве злости цапнула её зубами за щеку.

Но та будто глаза на затылке имела: ловко ухватив Бай Цзиньжун за подбородок, она оттолкнула её и с усмешкой бросила:

— Дурёха, я Вторая госпожа Первой Под Небесами Виллы Мечей, одним пальцем тебя раздавлю. Хватит баловаться, проваливай из глаз долой.

Вернувшись в свою каморку, Бай Цзиньжун горько заплакала. Ей хотелось удариться головой о стену и перезапустить жизнь с самого начала.

Но вдруг всё повторится точно так же? Тогда её мучения пойдут по второму кругу. Бай Цзиньжун покрасневшими от слёз глазами потёрла веки — и вновь ощутила сосущий под ложечкой голод.

Бессовестная Линь Дунцин морит её голодом, это же форменное преступление против небес!

С тех пор стоило Линь Дунцин получить нагоняй или расстроиться из-за Е Чжицю и Линь Цзяньхэна, как она возвращалась и отрывалась на Бай Цзиньжун, изводя её до такого состояния, что бедняжка потом неделями не могла подняться с постели.

Настоящее проклятие! Линь Дунцин в этой жизни явилась исключительно за тем, чтобы взыскать долги за две предыдущие!

Бай Цзиньжун молча лила слёзы.

Обидчица была жадной до мести, вредной и обладала непревзойдёнными боевыми искусствами — совладать с ней не было ни малейшего шанса.

Каждая смерть от её рук неизменно погружала Бай Цзиньжун в пучину горя и обиды.

Сама по себе она от природы обладала холодным и отстранённым нравом, но Линь Дунцин раз за разом доводила её до истерик и рыданий. К тому же извращённые вкусы мучительницы требовали непременно сломить её до конца, заставив капитулировать и молить о пощаде.

От этого Бай Цзиньжун испытывала жгучий стыд и унижение, сгорая со сраму.

Спустя полмесяца в виллу пожаловал фехтовальщик из Фусана, бросивший вызов Первому Мечу Поднебесной — Линь Цзяньхэну.

После семисот с лишним обменов ударами Линь Цзяньхэн отступил, признав, что сегодня дела требуют внимания, и предложил продолжить завтра.

Мастер из Фусана гордо согласился, заявив, что если завтра Первый Меч Поднебесной проиграет, вывеска Виллы Мечей должна будет отойти ему — ведь после такого позора этот титул будет носить уже некогда.

Вечером Линь Цзиньжун зашла к сестре.

— Брат, ты ранен? — увидела она кровоточащую рану на его руке.

Линь Цзяньхэн с мрачным лицом кивнул:

— Цин'эр, этот фехтовальщик из Фусана владеет диковинной техникой боя двумя мечами. Его удары невероятно тяжелы и коварны, я... я не ровня ему.

— Понятно. Завтра я выступлю вместо тебя, — отозвалась Линь Дунцин.

Линь Цзяньхэн сжал её руку:

— Тот иноземец хвастался, что в случае победы сорвёт нашу вывеску. Ты же знаешь, это наследие отца, добытое ценой всей его жизни, мы не имеем права проиграть.

— Брат, неужели ты мне не веришь? — гордо улыбнулась Линь Дунцин. — Не переживай, завтра я не вернусь побеждённой.

Линь Цзяньхэн похлопал её по плечу:

— Тогда вся надежда на тебя.

Он развернулся и вышел, а в его глазах легла глубокая тень.

На следующий день Линь Дунцин оправдала ожидания: она разгромила фусанского мастера, заставив того рухнуть на колени и молить о пощаде.

Сам же Линь Цзяньхэн чувствовал себя настолько виноватым перед памятью покойного главы поместья и предками рода Линь, что вновь уединился в затворе для тренировок.

Когда Бай Цзиньжун вошла в комнату, Линь Дунцин сидела, зажав руками сочиться кровью живот и тяжело дыша, а её лицо было смертельно бледным.

— Ты ранена? Я позову лекаря, — рывком собралась уходить Бай Цзиньжун, но Линь Дунцин окликнула её. На её лишённом краски лице расцвела сияющая улыбка: — Мой брат ушёл в затвор.

Бай Цзиньжун отлично поняла скрытый смысл: теперь, когда Линь Цзяньхэн заперся в покоях, у Линь Дунцин появилась возможность беспрепятственно сближаться с Е Чжицю.

— Сначала перевяжу рану, — Бай Цзиньжун достала кровоостанавливающий порошок. Кровь просачивалась сквозь пальцы Линь Дунцин, но та казалась абсолютно беспечной, продолжая беззаботно улыбаться.

Помешанная. В прошлой жизни Бай Цзиньжун уже сталкивалась с этой одержимостью Линь Дунцин, но теперь этот болезненный трепет предназначался кому-то другому, и от этого на душе у Бай Цзиньжуна становилось неприятно и тоскливо.

Е Чжицю сидела у окна в унынии, пока служанка расчёсывала ей волосы:

— Госпожа, не стоит так хмуриться. Глава поместья закрылся ради блага Виллы Мечей.

Е Чжицю гневно сжала в руках шёлковый плат:

— Он же победил этого японца! Зачем понадобилось запирается? Неужели звание Первого Меча Поднебесной не даёт ему покоя?

Служанка прикрыла рот ладонью, хихикнув:

— Глава поместья — Первый Меч Поднебесной, мало кому выпадает такая честь. Госпожа должна гордиться им.

— Он всего лишь затворник-невротик, целыми днями размахивающий мечом! Интересно, осталось ли в его сердце место для меня? — фыркнула Е Чжицю. — По-моему, для него существует только этот титул.

— Разве глава не пообещал вам? Как только завершит дела, сразу выйдет из затвора и уделит вам время, — успокаивала служанка. — Говорят, кленовый лес на задней горе нынче зацвёл на славу, не желаете прогуляться?

— Сестрица Чжицю! — Линь Дунцин выглянула из-за окна с сияющей улыбкой. — Я принесла пирожные из лавки Се и сливовое вино, как раз пойдём любоваться клёнами!

Бай Цзиньжун лениво плелась следом с корзинкой в руках, наблюдая за этой картиной угодничества, и мысленно покрикивала.

Е Чжицю откликнулась, бросив на неё взгляд:

— Почему у тебя такой нездоровый вид? Велю Лао Чэню приготовить для тебя целебный отвар.

— Спасибо за заботу, сестрица Чжицю, — Линь Дунцин перемахнула через подоконник и взяла её за руку. — Пойдёмте, я купила ваши любимые пирожные из фиолетового батата и жареную утку по рецепту господина Чена, такая ароматная!

— Эх, если бы твой брат хотя бы на десятую часть заботился обо мне так, как ты, я была бы счастлива, — вздохнула Е Чжицю, выдавив слабую улыбку. — Пойдём. Делать всё равно нечего, в последнее время я совсем разленилась.

Бай Цзиньжун вместе с личной служанкой Е Чжицю по имени Тао Жань принялась распаковывать корзины, раскладывая снеди на разостланном коврик. Скосив глаза, она заметила, как Линь Дунцин дразнит Е Чжицю сорванным кленовым листом.

Они шли по опавшим листьям, крепко держась за руки, озаренные яркими улыбками. Лучи солнца, пробиваясь сквозь кроны деревьев, падали в глаза Линь Дунцин, отражая свет и глубокую привязанность.

— Сяо Бай? — окликнула её Тао Жань.

Бай Цзиньжун моргнула, тихо отозвалась и, опустив голову, продолжила возиться с вещами, ощущая странную тяжесть на душе.

Странно... с чего бы ей так переживать?

— Сестрица Чжицю, устали? — Линь Дунцин усадила её рядом и извлекла из рукава платок, чтобы вытереть пот с её лба. — Смотрите, как покраснелись.

Е Чжицю улыбнулась, позвала Тао Жань и шутливо погрозила Линь Дунцин пальцем:

— Для этого есть слуги, зачем ты суетишься?

Заметив сидевшую неподалёку со стеклянным взглядом Бай Цзиньжун, она чуть повысила голос:

— Чего застыла? Живей поднеси Второй госпоже платок и чаю.

Бай Цзиньжун протянула Линь Дунцин платок, а следом подала чай. Та бросила на неё короткий взгляд и сделала небольшой глоток.

— Твой брат говорил, что эта девчонка тебе не подходит, и предложил сменить прислугу. Я как раз на днях купила нескольких новых служанок, может, прислать тебе парочку посмышленней? — предложила Е Чжицю.

— Нет-нет, мне и с этой удобно, — улыбнулась Линь Дунцин.

Е Чжицю протянула ей пирожное:

— Если она плохо за тобой ухаживает и устроит конфуз, твой брат опять начнет меня укорять.

— Да как он смеет тебя укорять! — возмутилась Линь Дунцин, нахмутив брови. — Впрочем... можешь прислать пару служанок, но эту я оставлю — пусть черновые работы выполняет.

— Ладно, — элегантно отпила чай Е Чжицю. — Я пришлю людей, сама ими и распоряжайся.

Линь Дунцин любовалась её изящными манерами — каждое движение выдавало благородное происхождение. Род Линь некогда славился учеными мужьями и выдающимися чиновниками. Выход из такой семьи, пусть и выйдя замуж за главу Первого Меча Поднебесной, Е Чжицю всё же считалась человеком из другого круга, фактически пойдя на неравный брак по меркам цзянху.

Особенно на фоне грубоватых мастеров боевых искусств из поместья, утончённая, образованная и знающая правила приличия Е Чжицю вызвала всеобщее уважение и восхищение как истинная хозяйка дома.

Уже ночью, после того как Линь Дунцин поужинала, Бай Цзиньжун собрала посуду и попыталась незаметно исчезнуть, но была остановлена окриком:

— Куда собралась? Пошли со мной.

— Мне нездоровится, я хотела бы лечь пораньше, — изобразив на лице страдальческое выражение, Бай Цзиньжун прикоснулась ко лбу. — Вторая госпожа, сходите лучше сами.

— Правда? А может, мне вернуться с тобой в твою комнату и проверить, что именно там нездоровится? — с неоднозначной усмешкой протянула Линь Дунцин. Видя, как побледнела девушка, она бесцеремонно дёрнула её за рукав: — Шагом марш! Удумала фокусы со мной крутить — велю продать в публичный дом.

Бай Цзиньжун молча закатила глаза и, волоча ноги, поплелась за ней к внутренним покоям Е Чжицю, где послушно осталась дежурить снаружи.

Линь Дунцин тихонько проскользнула внутрь. Ловким движением вытащив из рукава

бамбуковую трубку, она проткнула бумагу на окне и вдула внутрь порцию усыпляющего дыма. Убедившись, что внутри всё затихло, она бесшумно проникла в комнату.

Обычно в это время Е Чжицю сидела за столом с книгой, а устав, ложилась спать, не дожидаясь слуг.

Оказавшись внутри, Линь Дунцин увидела, что Е Чжицю склонилась над столом, уронив голову на руки, книга валялась рядом. На ней было лишь лёгкое белое исподнее платье, а россыпь смоляных волос красиво падала на плечи, создавая трогательный и невыразимо манящий образ.

— Сестрица Чжицю, — зачарованно прошептала Линь Дунцин. Она медленно опустилась на колени рядом с ней и пристроила голову у неё на коленях. — Как же я соскучилась...

Тонкий аромат Е Чжицю заполнил её ноздри. В отличие от чистых мыльных ноток маленькой дурёхи, здесь чувствовалась сладковатая цветочная дымка, от которой кружилась голова, словно от капли мёда.

Линь Дунцин бережно подняла её на руки и перенесла на соседнюю кушетку. Пальцы аккуратно распустили завязки платья. Она осыпала её поцелуями, опьянённая исходящим от неё теплом и ароматом, ощущая, как бешено колотится сердце.

Е Чжицю тихо застонала во сне. Линь Дунцин прилегла рядом, прижавшись к ней боком и заключив в самые крепкие объятия. Она целовала её щёки, уши и шею, наслаждаясь невероятным, пьянящим чувством близости кожи.

— Ты моя, — прошептала Линь Дунцин, утыкаясь лицом в её ключицы, любовно касаясь пальцами заспанного лица: и брови дугой, и глаза-месяцы, и алые губы, и сияющая белизной кожа.

После близости с Бай Цзиньжун её страсть к Е Чжицю перешла на совершенно новый уровень, требуя уже не просто невинных поцелуев.

<http://bllate.org/book/21201/2145992>